

ВЕРХОГЛЯДСТВО РЕФОРМАТОРОВ

Реорганизация военных структур в России игнорирует зарубежный опыт

Виталий Васильевич Шлыков — независимый военный эксперт, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам

ОТСУТСТВИЕ прогресса в деле реформирования оборонного комплекса сегодня объясняется по-разному — и нехваткой финансовых средств, и отсутствием у руководства страны интереса к проблемам армии и ВПК, и даже подрывными действиями неких зловещих сил, разваливших сначала СССР, а теперь стремящихся к подрыву оборонной мощи России.

Никто, однако, не хочет признаться в том, что дело обстоит намного проще, и что ни президент, ни правительство, ни оппозиция, ни сами военные просто не знают, что делать с оборонным комплексом в условиях рыночной экономики.

Новое российское руководство пришло к власти, совершенно не представляя, что такое современная армия и как она строит свои отношения с обществом, государством и экономикой. По-видимому, нехватка таких знаний российскими руководителями никак не ощущалась, ибо за истекшие пять лет они не предприняли ни малейших усилий для их пополнения.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ

К сожалению, отсутствие у российских политиков и военачальников интереса к сколько-нибудь серьезному изучению чужого опыта военного строительства стало сочетаться с любовью ссылаться на этот «опыт», подгоняя его под собственные взгляды на тот или иной вопрос. В результате и в армии, и в обществе не только не прибавилось познаний о функционировании оборонных структур Запада, но и появилась и закрепилась масса предрассудков на этот счет, некоторые из них даже стали частью государственной политики.

Примером может служить звучащее уже многие годы требование о создании профессиональной армии, нашедшее наконец воплощение в указе президента России №722 от 16 мая 1996 года «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе».

В качестве образца профессиональной армии сторонники ее создания в России чаще всего приводят Вооруженные силы США. Однако называть американскую армию «профессиональной», как это сплошь и рядом делают российские политики, журналисты и военные, по крайней мере, некорректно.

Дело в том, что американцы не только не называют и никогда не называли свою армию «профессиональной», но и не считают ее таковой. Для этого достаточно ознакомиться с официальными документами Пентагона или выступлениями американских должностных лиц. Ни в одном из них вы не встретите термина «профессиональная армия» применительно к Вооруженным силам США. Впрочем, применительно к армиям других государств тоже. Нет термина «профессиональная армия» или «профессиональные вооруженные силы» и в официальных словарях-гlossариях, издаваемых Министерством обороны и Комитетом начальников штабов Вооруженных сил США. Так же как его нет, например, в «Международной военной и оборонной энциклопедии», выпущенной в Вашингтоне в 1993 году издательством «Брэсси'с».

Что касается отказа США от воинской повинности, начиная с 1 июля 1973 года, то это называлось отнюдь не переходом к комплектованию армии США «на профессиональной основе» (как в указе президента России №722), а переходом к комплектованию вооруженных сил исключительно на добровольной основе. Кстати, с 1 июля 1973 года американская армия стала официально называться «Вседобровольческими вооруженными силами» (All-Volunteer Force, сокращенно AVF).

Американские военные, включая аналитиков Пентагона и военных ученых, искренне изумляются, когда узнают, что в России американскую армию называют и считают профессиональной. Дело в том, что слова «профессиональная», «профессиональный» имеют в английском языке совершенно иное значение, чем в русском. Это у нас они употребляются направо и налево. В Америке же причислить себя к какой-либо профессии и называться «профессионалами» могут лишь люди, отвечающие весьма жестким и конкретным критериям, а именно: обязательное высшее образование по определенной специальности, формальная принадлежность к закрытому и иерархически построенному корпоративному сообществу, следование фиксированным правилам поведения и этическим нормам. Если открыть большой толковый словарь Уэбстера, то можно убедиться, что профессионалами в США считаются только люди так называемых «ученых профессий», а именно священники, врачи и юристы.

Можно встретить в английском языке и выражение «профессиональный солдат», но это ни в коем случае не обозначает солдата-контрактника. Речь в данном случае может идти только об офицере, и то далеко не всяком. Правда, в последнее время профессиональными солдатами все чаще стали называть и часть сержантского состава армии США. Принадлежность к «касте» профессионалов в США — предмет особой гордости. И самая большая часть этой гордости заключается как раз в том, что профессионал служит не за деньги, а во имя гораздо более высоких — прежде всего нравственных — ценностей и повышения своей компетентности в выбранной области деятельности.

Короче говоря, миф об американской «профессиональной» армии имеет местное, чисто «совковое» происхождение. Он возник в конце 80-х — начале 90-х годов и был привнесен в общество политиками и публицистами так называемой «демократической волны», а затем подхвачен малоопытными молодыми офицерами-депутатами Верховного Совета СССР, выдвинувшими программу создания советской профессиональной армии (так называемый «проект Лопатина»).

Таким образом, важнейшая задача военной реформы — повышение военного профессионализма армии в его современном, западном понимании была подменена сравнительно второстепенной и весьма спорной в российских условиях идеей сплошного перевода армии на контрактную систему комплектования.

ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ

Еще худшее по своим последствиям верхоглядство продемонстрировали российские «реформаторы» при использовании зарубежного опыта для перевода советской сверхмилитаризованной экономики на рыночные рельсы. Из всего богатого набора возможных западных рецептов демилитаризации экономики (а милитаризм, как известно, отнюдь не только российский феномен) был выбран наименее подходящий для российских условий и наиболее болезненный для населения, армии и ВПК путь простого отпуска цен и фактического прекращения закупок вооружения у промышленности.

Все наши экономисты, находящиеся у власти или близко к ней, продолжают утверждать, что Россия, приступив в 1992 году к «реформированию» своей экономики, пошла к рынку единственно возможным в тех условиях путем и в соответствии с самыми последними достижениями западной либеральной экономической мысли.

Однако осталось незамеченным, что эти самые новейшие рецепты экономического либерализма применяются на Западе совсем недавно, да и то далеко не во всех странах. Сам создатель современного экономического либерализма Фридрих Хайек пребывал в забвении вплоть до начала 70-х годов, когда был обнаружен Маргарет Тэтчер, а его взгляды начал активно пропагандировать и развивать Милтон Фридман.

А между тем рыночная экономика существует уже не одно столетие и за это время не раз радикально меняла свой облик в ответ на вызовы времени.

Так почему же в 1992 году для реформирования российской тотально огосударственной и сверхмилитаризованной экономики был применен (на словах) не только самый новый, но и

самый сложный и не до конца апробированный на Западе либеральный подход? Да прежде всего потому, что он в это время лежал на поверхности и был подробно расписан в популярных журналах и учебниках на Западе. Не будем забывать, что наши оказавшиеся у власти молодые экономисты были знакомы только с плановой социалистической экономикой и не получили сколько-нибудь глубокого экономического образования. Естественно, что в этих условиях ссылка на модные западные теории служила для них главным подспорьем в отстаивании своих программ перед политиками, еще менее обремененными экономическими знаниями.

Сейчас многие политики и экономисты начинают постепенно возвращаться к западному опыту государственного регулирования рыночной экономики. При этом чаще всего в качестве образца такого регулирования делаются ссылки на «новый курс» президента США Франклина Рузвельта.

Однако хочу напомнить, что «новый курс» Рузвельта всего лишь перевел экономику США из глубочайшего кризиса в состояние затяжной депрессии. Это только нам кажется, что Америка всегда была богатой и процветающей, а на самом деле в 1939 году в США насчитывалось 9,5 миллиона безработных, почти столько же, сколько было занято во всей обрабатывающей промышленности (10,3 млн. человек). Лишь каждая третья семья имела холодильник. В сельском хозяйстве было электрифицировано всего 11% ферм.

И это при том, что США почти ничего не тратили на оборону. В 1939 году американцы имели под ружьем армию в 170 тыс. человек, в которой было около 200 танков (СССР в это же время располагал 20 тыс. танков).

Из депрессии США вышли не из-за «нового курса» Рузвельта, который лишь смягчил кризис и перевел его в депрессию, а благодаря своей системе мобилизационной перестройки экономики в годы второй мировой войны.

В 1941-1945 годах США достигли темпов промышленного роста, считавшихся до этого невыносимыми, — 16,9% в год. За это же время инвестиции в производство выросли на 65%, мощность электростанций возросла на 75%, промышленное производство удвоилось, а прибыли промышленников выросли в 5 раз.

И все это было достигнуто отнюдь не за счет снижения жизненного уровня населения. Наоборот, реальная заработная плата за годы войны выросла на 50%, а потребление продовольствия на душу населения увеличилось на 15-25%. Несмотря на войну, правительство выделяло крупные капиталовложения в сельское хозяйство, в особенности в тракторостроение и электрификацию.

Повышение жизненного уровня населения было достигнуто при гигантских масштабах выпуска военной продукции. За годы войны США произвели 300 тыс. боевых самолетов, 100 тыс. танков, 124 тыс. кораблей и судов всех классов, 41 млрд. единиц боеприпасов.

Разумеется, экономическое возрождение США произошло не за счет выпуска военной продукции. Наоборот, практически вся стоимость войны (а в разгар войны США тратили на военные цели до 45% своего ВВП) была оплачена за счет экономического роста.

Производство оружия представляет собой, естественно, расточительство, ибо чисто военная продукция не входит в воспроизводственный цикл. Как же при увеличении военного производства может продолжаться экономический рост?

Главное объяснение «американского чуда» в годы войны состоит в том, что над этой депрессивной экономикой США надстроили совершенно новую военную экономику на базе новейших технологий, поддающихся использованию и в гражданском секторе. Именно в годы второй мировой войны в США появились радар, первые ЭВМ и т.д. Что касается созданной в рекордные сроки атомной бомбы, то это не только страшное оружие. Без него не было бы первого в мире завода с дистанционным управлением, первого полностью автоматизированного завода и первого абсолютно стерильного промышленного цеха площадью в тысячи квадратных метров. Фактически заново, на совершенно новой технологической основе

была создана авиационная промышленность, число занятых в которой возросло с 40 тыс. человек в 1939 году до 2 млн. человек в 1944 году.

Именно в годы войны США произвели огромные капиталовложения в новейшее производственное оборудование. В 1942 году в стране было выпущено 307 тыс. станков, в 10 раз больше, чем в 1938 году и в 50 раз больше, чем в 1933 году.

Механизм экономического подъема был внешне сравнительно прост и весьма напоминал тот, который использует современная Япония. Главные усилия правительства направлялись на концентрацию имеющихся финансовых ресурсов на приоритетных направлениях производства при отсечении (полном или частичном) второстепенных секторов экономики.

Характерно, что в течение всей войны учетная ставка Центральной резервной системы оставалась стабильной на уровне 1% в год и только в 1948 году впервые поднялась до 1,34%. Низкой на протяжении всей войны (не более нескольких процентов в год) оставалась и инфляция, так что сбережения населения и прибыли промышленников к концу войны достигли весьма внушительных размеров.

Надо заметить, что государственное регулирование экономики США в годы войны отнюдь не дошло до централизации госплановского типа. В основе своей экономика оставалась рыночной. Все предприятия работали на контрактной основе, сами подбирали себе поставщиков, самостоятельно устанавливали сменность работы и т.д. Решающей мотивацией их работы, как и в мирное время, была прибыль. За все годы войны не было реквизировано или национализировано ни одно частное предприятие. Забастовки не были запрещены, и профсоюзы во время войны не раз пользовались своим правом на забастовку.

Естественно, что огромные капиталовложения в военное производство и модернизацию экономики были получены не из воздуха. Мобилизация финансовых ресурсов была достигнута прежде всего путем увеличения государственного долга, а также отсечения расточительного и избыточного потребления. Было полностью прекращено производство легковых автомобилей, бытовых холодильников и многих других товаров, радикально сокращено жилищное строительство и т.д. Были также ограничены операции с ценными бумагами.

Именно такая мобилизационная перестройка на базе новых технологий и модернизации промышленности, какую предприняли США в 1941-1945 годах, только наоборот, с военных на мирные рельсы, была бы наилучшим способом вывода России из тупика ее экономических проблем в начале 1990-х годов. Одно только радикальное свертывание военного производства сразу бы высвободило огромные сырьевые и другие материальные ресурсы (по западным оценкам, СССР тратил на военные цели 300 млрд. долл. в год), которых, при условии их реализации за рубежом под жестким государственным контролем (а не стихийно, как это произошло в действительности) вполне хватило бы на несколько лет и для быстрого насыщения внутреннего рынка продовольствием и потребительскими товарами, и для резкого сокращения численности армии на весьма благоприятных условиях для увольняемых военнослужащих, и для недопущения инфляции, с которой Россия борется вот уже пять лет. И — самое главное — это позволило бы сразу же приступить к решению несравненно более сложной задачи — созданию на базе высоких технологий ВПК новой рыночной гражданской экономики, способной вписаться в международное разделение труда и обеспечить высокие темпы экономического роста.

И уже после этого спокойно, без спешки приступить к реформированию радикально сокращенной советской армии, а еще лучше — к созданию новых современных Вооруженных сил России, свободных от наследия тоталитарного прошлого.

Опыт США 1940-х годов наглядно показал, что при целенаправленных усилиях государства и общества можно не только в течение немногих лет трансформировать сугубо мирную экономику в сверхмилитаризованную, но и наоборот, в еще более сжатые сроки вновь сделать из военной экономики гражданскую. А заодно без каких-либо социальных катаклизмов демобилизовать многомиллионную армию.

СОКРАЩЕНИЕ АРМИИ

К 1948 году военные расходы США сократились до 3,2% ВВП по сравнению с 45% в 1944 году. К этому времени из военной промышленности было высвобождено 12,4 млн. человек. Так, в авиационной промышленности занятость упала с 2 млн. в 1944 году до 240 тыс. человек в 1947 году.

Из армии было уволено 10,6 млн. солдат и офицеров и 1,6 млн. гражданских служащих. В 1947 году численность Вооруженных сил составила 2 млн. человек по сравнению с 11 млн. в 1945 году.

Государство щедро вознаградило увольняемых военнослужащих. Всем им обеспечивались выплата пособий по безработице в течение года и предоставление гарантированных государством кредитов на покупку жилья, сельскохозяйственных ферм или создание собственного бизнеса. Увольняемым военнослужащим также предоставлялось право на получение за счет государства высшего образования или приобретение новой специальности в течение четырех лет: только в 1946 году в колледжи записалось 800 тыс. бывших солдат и офицеров.

Общая сумма выплат демобилизуемым военнослужащим за счет федерального бюджета составила в течение трех послевоенных лет 20 млрд. долл. Еще 1,5 млрд. долл. поступило из казны штатов.

По тем временам это были огромные деньги. К примеру, весь военный бюджет США в 1947 году составил 11,7 млрд. долл.

И этот радикальный переход к мирной жизни не вызвал ни экономического спада, ни серьезного роста инфляции или безработицы. Правда, в 1946 году американский ВВП слегка упал, до 198 млрд. долл. по сравнению с достигнутым во время войны пиком в 224 млрд. долл., однако уже в 1947 году ВВП вернулся к рекордному военному уровню, после чего начал устойчиво расти. Безработица увеличилась с 1,2% в 1944 году до 3,9% в 1946-1948 годах, однако это увеличение не шло ни в какое сравнение с 14,6% безработных в 1940 году и 9,9% в 1941 году. Что касается инфляции, то единственный ее заметный всплеск (на 28% в год) имел место в 1948 году, однако уже в следующем году он был погашен.

Вспомнить об этих полувековой давности событиях полезно по целому ряду причин.

Во-первых, тот американский опыт совсем не так уникален, как кажется. В последующем США еще не раз подтверждали возможность быстрой трансформации мирной экономики в военную и обратно, например, во время и после войны в Корею в 1950-1953 годах.

Во-вторых, у нас чрезвычайно популярны безапелляционные ссылки на американский и мировой опыт оборонной конверсии, якобы доказывающий, что дело это чрезвычайно долгое и дорогостоящее. Так, уже несколько лет из выступления в выступление и из статьи в статью кочуют утверждения, что, с учетом опыта США, конверсия в России обойдется в 150 млрд. долл. и продлится не менее 15 лет. Цифры эти запустил еще в 1992 году Михаил Малей, бывший тогда главным советником по конверсии у президента Бориса Ельцина. А вот мнение на этот счет генерал-полковника Василия Воробьева, бывшего начальника Главного управления военного бюджета и финансирования Минобороны, которого сейчас некоторые средства массовой информации прочат на должность главного финансового инспектора военной инспекции администрации президента: «Давно подсчитано, что конверсия дает рубль только при вложенных двух. Причем не сразу, а через определенное количество лет. Есть мировой опыт (выделено мною. — В.Ш.), и не считаться с ним нельзя. Ссылки на исключительность России здесь менее всего уместны».

В-третьих, экономика России в 1992 году была гораздо ближе к экономике США 1945 года, чем к экономике современной Америки, и по производительности труда, и по уровню государственного регулирования, и по степени милитаризованности.

На самом деле в 1992 году в России существовали гораздо более благоприятные условия для быстрой и безболезненной демилитаризации и конверсии, чем в США в 1945 году.

Во-первых, в России армия насчитывала не 11 млн. человек, а втрое меньше.

Во-вторых, созданные советским ВПК новые технологии намного превосходили все то, чем Америка располагала в 1945 году.

В-третьих, наши промышленники, ученые и управленцы были гораздо лучше подготовлены к деятельности в условиях регулируемой экономики, чем американцы, которые довольно долго, особенно в начальный период мобилизации (1941-1943 годы) метались в поисках оптимальных форм управления экономикой в условиях мобилизации. Кроме того, Россия могла использовать американский опыт структурной перестройки экономики 1940-1950 годов, детально документированный и описанный в бесчисленных монографиях, статьях, мемуарах и т.д.

В-четвертых, если послевоенный спрос американцев на потребительские товары, жилье и оборудование для модернизации гражданского сектора был настолько велик, что стал на долгие годы основой роста американской экономики, то в России он был попросту ненасытен.

В настоящее время, конечно, обстановка для такого типа перестройки экономики резко ухудшилась. Тот «дивиденд разоружения» в сотни миллиардов долларов, который действительно был получен страной в результате прекращения гонки вооружений и который можно было бы использовать для конверсии военной промышленности, сокращения армии и освоения высоких технологий, ушел в «теневую» экономику, заграничные банки или на расточительное потребление «новых русских».

Однако и сейчас положение России далеко не безнадежно. Есть страны, которые в гораздо более трудных условиях сумели создать процветающую экономику и при этом содержать внушительную современную армию.

ОПЫТ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Южная Корея после войны 1950-1953 годов лежала в руинах. И тем не менее, не имея собственных сырьевых ресурсов или развитой технологической базы, она сумела создать не только вполне конкурентоспособную экономику, но и содержать на протяжении десятилетий многочисленные (600 тыс. солдат и 4,5 млн. резервистов) и вполне боеспособные Вооруженные силы. Правда, при разработке своей экономической стратегии южнокорейцы пользовались услугами иностранных экспертов с несколько другими взглядами, чем у тех специалистов из Гарварда и Чикаго, которые писали рецепты для наших «реформаторов».

Виднейшим из привлеченных южнокорейцами специалистов был Роберт Нейтан, который более 10 лет возглавлял специальную комиссию ООН по восстановлению корейской экономики после войны 1950-1953 годов.

В годы второй мировой войны Нейтан был одним из главных организаторов военно-экономической мобилизации в США, а в конце войны был назначен ответственным за конверсию американской военной промышленности.

Когда в октябре 1991 года я приехал в США в составе официальной российской военной делегации, то первым делом навестил Нейтана в его вашингтонском офисе, где он при свидетелях заявил, что берется осуществить конверсию российской военной промышленности за полтора-два года, если правительство России пригласит его в качестве консультанта. Кстати, этот оптимизм Роберта Нейтана по поводу возможностей быстрой оборонной конверсии в то время разделяли и многие другие иностранные и российские экономисты.

Но, как известно, в Кремле к этому времени уже решили просто отпустить цены и, положившись на русский авось и «невидимую руку рынка», ждать, что из всего этого получится.

ПОСТАНОВОЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Сейчас, я думаю, очевидно, что российское руководство не имеет ни организационных, ни интеллектуальных структур, на которые оно могло бы возложить задачу разработки военной реформы. Об этом свидетельствует хотя бы та совершенно неправдоподобная некомпетентность, которую из года в год демонстрируют и военное ведомство, и Минфин, и Минэкономики, и Госдума даже при решении таких сравнительно простых задач, как составление военного бюджета. Ведь все эти структуры ухитрились, даже не заметив этого сами, сократить ассигнования в реальном исчислении на армию в 1995 году сразу вдвое, а в 1996 году еще почти на 15%. (См. В. Шлыков, «Тайны военного бюджета», «НВО», 16.05.96.) И сделали это одновременно с началом войны в Чечне и увеличением численности армии на сотни тысяч человек за счет продления срока военной службы переменного состава с полутора до двух лет. Хорошо еще, что наш государственный бюджет существует в основном на бумаге, а реальное материальное обеспечение жизнедеятельности армии идет более или менее своим чередом. Однако бесконечно такое положение продолжаться, конечно, не может.

Как видно из совершенно нереального военного бюджета на 1997 год, ответственные за его разработку чиновники не способны учиться даже на собственных ошибках. Ожидать от них поступления каких-то осмысленных предложений по выводу армии из кризиса по меньшей мере наивно.

Каких-либо независимых аналитических или исследовательских центров, способных представить такие предложения, в России просто нет. Возникшие в последние годы, как грибы после дождя, многочисленные институты и центры «национальной безопасности», «стратегических исследований», «оборонного анализа» и т.п. на деле представляют собой театры одного, реже двух-трех актеров и не более того. Многочисленные общественные комиссии и консультативные советы, которыми так любит окружать себя наш президент, не имеют собственного исследовательского аппарата. В Совете безопасности вопросы военной безопасности растворены во множестве всяких других «безопасностей». Аппарат Совета обороны еще только формируется.

Значит, руководству страны придется разбираться в военных вопросах самому, хочет оно того или нет.

И здесь ему очень может пригодиться зарубежный опыт.

В таких случаях главы государств и правительств, как правило, идут на создание временных органов, обычно комиссий, с четко поставленной задачей разобраться в том или ином конкретном вопросе и представить свои рекомендации главе государства. Формируются такие комиссии не просто из людей независимых и компетентных, но обладающих и некоторыми дополнительными качествами: высокий авторитет в широких научных кругах или конкретной области знаний, опыт прошлой ответственной работы в сфере обороны, представительство интересов финансово-промышленных кругов и заинтересованных слоев общества.

Примером может служить так называемая «Президентская консультативная комиссия по вседобровольческим вооруженным силам», созданная президентом Ричардом Никсоном 27 марта 1969 года для изучения вопросов, связанных с возможностью перехода Вооруженных сил США на добровольную систему комплектования. Президентом комиссии был назначен Томас Гейтс, имевший семилетний опыт руководящей работы в Пентагоне, в том числе два года на должности министра обороны.

О стремлении как можно более полно учесть при изучении вопроса об отмене призыва в армию интересы различных слоев американского общества свидетельствует не только назначение в состав комиссии представителей разных социальных слоев общества. Так, Теодор Хезбург был не только президентом университета, но одновременно и председателем комиссии по правам человека при правительстве США, а профессор Жанна Нобль была еще и вице-президентом Национального совета негритянских женщин.

Комиссия отнюдь не ограничивалась обсуждением поставленной перед ними проблемы в своем узком кругу. Для обеспечения ее работы при ней был создан внушительный по числу сотрудников и их квалификации аппарат во главе с исполнительным директором, его заместителем, ответственным редактором и четырьмя директорами по основным направлениям исследований.

Самым главным подспорьем в работе комиссии было специальное распоряжение президента США Министерству обороны и другим исполнительным структурам правительства оказывать комиссии всемерную поддержку и предоставлять ей всю необходимую информацию в приоритетном порядке.

Хотелось бы обратить внимание на несколько особенностей работы комиссии. Во-первых, в ней не было ни одного действующего политика или чиновника.

Во-вторых, комиссия работала совершенно независимо от Пентагона, который создал для изучения проблем перехода на добровольную систему комплектования собственную организацию, так называемый «Комитет по проекту «Доброволец» (Project Volunteer Committee).

В-третьих, над проектом реформы системы комплектования армии работали лучшие экономические и финансовые умы Америки. Достаточно назвать нобелевского лауреата Милтона Фридмана или Алана Гринспена, в настоящее время председателя совета управляющих Федеральной резервной системы США.

И это не были «свадебные генералы».

Не удивительно, что оценка комиссией бюджетной стоимости перехода к добровольческой армии (2,15 млрд. долл.) оказалась в четыре раза ниже, чем та, которую представил Пентагон. Естественно, общество отнеслось с гораздо большим доверием к расчетам своих ведущих экономистов, чем к прогнозам генералов. И, как показала жизнь, правы оказались все-таки экономисты.

Российские «реформаторы» любят подчеркивать, что они почитатели Милтона Фридмана. А кто из них пальцем о палец ударил, чтобы помочь армии и стране разобраться в проблемах финансирования обороны в рыночных условиях?

Комиссия Гейтса провела свое первое заседание в мае 1969 года и закончила составление доклада президенту Никсону 9 января 1970 года, единогласно рекомендовав президенту прекратить призыв в армию с 1 июля 1971 года (фактически переход на добровольную систему комплектования был завершён к июлю 1973 года).

Показательно, что работа исследовательского аппарата комиссии не носила обезличенный и закрытый от общества характер, как это имеет место практически со всеми материалами российских президентских комиссий или советов при президенте.

Сейчас, при голодающей армии, нищей науке и умирающем ВПК, как-то даже неловко обращаться с призывом уделять больше внимания изучению иностранного опыта оборонного строительства. И тем не менее десять лет полной пробуксовки военной реформы при отсутствии каких-либо новых идей такой реформы у руководства страны говорят о том, что без такого опыта нам скорее всего не обойтись.